

Каразин Николай Николаевич

Недавнее былое

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Николаевич К.**
Недавнее былое / Каразин Николай Николаевич – М.: Книга по Требованию, 2025. –
515 с.

ISBN 978-5-519-88198-2

ISBN 978-5-519-88198-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ные, на подсудимыхъ судей не хватало; опять же и разслѣдовать, разнюхивать, предварительныя и предупредительныя мѣры тоже принимать надо, усиленно и быстро карать усиленно и быстро развивающееся зло; на все это люди нужны были, и люди энергичные, свѣжіе, не то что старые кадѣи и каймаканы, а настоящіе ревнители прочности престола падишахова. Вотъ въ числѣ такихъ же прибылъ сюда и Молла Изединъ, а до того былъ въ Стамбулѣ простымъ сверхштатнымъ писцомъ въ высокой Портѣ.

Пріѣхалъ сюда эфенди, устроился домомъ, укрылся въ немъ, завелъ запіевъ, и пошелъ стараться... Началъ съ того, что въ третій разъ собралъ съ народа всѣ годовыя подати, не хотѣлъ провѣрить старыхъ квитанцій и счетовъ, а чтобы на чистоту было, потомъ новые налоги отъ себя постановилъ: на передѣлку своего дома одновременно сто лиръ, да на ремонтъ по пяти, на содержаніе команды по двадцати піастровъ ежедневно на каждого, а продовольствіе на себя и на людей натурою чтобы шло. Особые списки составилъ тѣмъ, кто побогаче, сколько чего у кого въ этихъ спискахъ было у него обозначено. Сколько денегъ въ займы уже успѣлъ перебрать то у того, то у другого... Съ виду былъ тихій и ласковый, носилъ европейскую одежду, только феску красную; встрѣтится съ кѣмъ—раскланивался, улыбался, даже о здоровьѣ спрашивалъ, только глаза у него смотрѣли какъ-то особенно, не выдержишь, бывало, такого пристальнаго, такого прожигающаго насквозь взгляда, и долго потомъ, даже ночью, во снѣ глаза Моллы Изедина представляются...

Странныя вещи стали твориться въ селеніи и его окрестностяхъ съ тѣхъ поръ, какъ перебрався сюда Молла Изединъ, и творились эти вещи тихо, покойно, прилично такъ: ни палокъ, ни гвалту, ни

публичныхъ пытокъ, какъ въ другихъ мѣстахъ, ни арестовъ такихъ, чтобы съ шумомъ, со взломомъ дверей, а просто позоветъ Молла кого-нибудь къ себѣ въ гости (не пойти нельзя), поговорить съ нимъ, кофеомъ угостить, пошлетъ въ Казанлыкъ потомъ съ пакетамъ и жандарма дать въ проводники, а черезъ день-два слухъ доходитъ: повѣсили, молъ, бѣднягу.

Изединъ даже самъ соболѣзнуетъ, когда узнаетъ объ этомъ, семью навѣститъ, добро, что получше, къ себѣ на сохраненіе перетащить и печати новыя предварительно наложить.

Гаремъ себѣ завелъ, все изъ мѣстныхъ дѣвицъ, одну такъ даже замужнюю жену, заподозривъ, что ея мужъ въ горы ушелъ; и взялъ ее къ себѣ, не ради чего, а добра ей желая, чтобы избавить отъ суда и допросовъ, отъ тюрьмы и прочаго, такъ какъ, молъ, въ подозрѣніи она должна находиться въ сношеніяхъ съ бунтовщикомъ мужемъ. А мужъ и не думалъ бунтовать, просто по дѣламъ въ Габрово уѣхалъ недѣли на двѣ, а вернулся уже поздно, нѣтъ въ домѣ жены. Горячку вспоролъ, жаловаться хотѣлъ, насилу убѣдили его друзья, чтобы лучше ужъ покорился и бросилъ дѣло, а то—того и гляди—пригласить его самого Молла Изединъ къ себѣ въ гости.

Онъ и пригласилъ его для переговоровъ, да поздно было: оскорбленный мужъ, Ноша Павловъ, ушелъ теперь уже дѣйствительно въ горы, пообѣщавъ даже скоро навѣдаться.

Былъ тоже одинъ, что ходилъ жаловаться въ Казанлыкъ на Моллу Изедина, да не дошелъ: подняли его на дорогѣ зарѣзаннымъ. Молла тогда строгое слѣдствіе произвелъ, по поводу этого убійства, и еще арестовалъ семерыхъ, якобы заподозрѣнныхъ...

Словно чума смертельная нивѣсть откуда нагрянула на селеніе и его окрестности. Затихло все, дышать вольно не смѣть... ни пѣсенъ не слышать, ни громкаго говору, бродятъ всѣ, словно полумертвые, работа изъ рукъ валится, гнететъ дума тяжелая; всѣ другъ на друга подозрительно косятся. Семья Стефана Радоницы побросала и свой домъ, и сады, и добро все,—не выдержала—и въ темную ночь тайно ушла вся, слѣда даже по себѣ не оставила...

Попъ Михало грѣхъ смертный взялъ себѣ на душу, не выдержалъ, старый, тоски и тяжелаго предчувствія, въ умѣ помрачился и самъ у себя на воротахъ повѣсился...

Дурачекъ здѣсь былъ одинъ, мальчикъ, помѣшанный Станко, тотъ все по крышамъ лазилъ, «гдѣ горитъ?» у всѣхъ спрашивалъ; и рассказывалъ всѣмъ, какъ своими глазами видѣлъ онъ на небѣ овечку маленькую, бѣленькую, и та овечка большому волку горло перегрызла...

Пріѣзжалъ къ Моллѣ Изедину родственникъ его изъ Стамбула, прогостилъ два дня и уѣхалъ; съ нимъ эфенди шесть возовъ добра отправилъ, просилъ еще черезъ мѣсяцъ навѣдаться.

II.

Отперты настежъ ворота, запѣи не торчатъ у входа, а въ боковомъ сараѣ толкутся, подбѣгаютъ къ окну и заглядываютъ туда сквозь рѣшетку, да кулаками на селеніе грозятъ. Въ Казанлыкъ гонца угнали съ вѣстью о случившемся, и чиновника ждутъ теперь оттуда; половину, гдѣ женщины гаремныя, заперли снаружи и коломъ двери приперли. На дорогахъ часовыхъ поставили, чтобъ никто не ушелъ никуда, и объявили жителямъ, что только кто сунется, стрѣлять какъ собакъ будутъ...

Въ Кафанѣ, у помака Али Кадвелова, собралось десятка два народу, несмотря на такое раннее время, и толкуютъ о случившемся; сюда забѣгалъ одинъ заптій Мустафа, пріятель хозяина кафаны, рассказаль наскоро въ чемъ дѣло, отсюда и пошелъ слухъ по всему селенію...

Дѣло свершилось совершенно неожиданное, негаданное, а теперь нашлись люди, которые говорили, будто бы они давно думали, что такъ и должно случиться, что Молла Изединъ эфенди ничѣмъ другимъ и не могъ кончить, что даже обиды особенной отъ того не будетъ, потому и въ Казанлыкѣ на покойнаго эфенди послѣднее время косо смотрѣли. Пришлютъ, молъ, только на смѣну другого; хуже, молъ не отыщутъ!..

Послѣднее, впрочемъ, говорилось тихо, шепотомъ, съ оглядкою... Неровень часть, какъ скажется!

Страшно было открыто улицею итти,—такъ крадучись, у стѣнокъ, да задворками сходился народъ въ кафану помака Али Кадвелова, и чуть-чуть выглянуло изъ-за горъ солнце, порядкомъ сюда ужъ собралось народу.

— Это она еще ночью сдѣлала, а вовсе не утромъ,—въ десятый разъ сообщалъ Али Кадвеловъ.— И крика никакого никто не слышалъ... Она его зарѣзала, да прождала до утра, потомъ, какъ разсвѣтать начало, вышла, а у воротъ ее остановили,—погоди, молъ, справится надо, позволить-ли эфенди тебя выпустить, можетъ ты самовольно ушла, воспользовалась, что заснулъ.—«Онъ спитъ что-ли?»—они у нея спрашиваютъ,—а она отвѣчаетъ: «спитъ...»

— Ахъ ты, Господи!

— Да, вотъ поди-жъ ты!—Да такимъ голосомъ сказала она это свое «спитъ», что Мустафа, заптій даже отшатнулся, а другой, черный, тотъ говоритъ: «а въ чемъ это у тебя вся рубаха запачкана»?..

Засмѣялись всѣ, думали совсѣмъ не то, а какъ при·несли огня,—ого, сколько крови! Нѣтъ, думаютъ, тутъ другимъ пахнетъ! бросились къ чиновнику, а онъ лежитъ,—ноги на диванѣ, а тѣло на полу, на коврѣ, горло перерѣзано; глаза ножемъ выковы·рены...

— Подлые, змѣиные глаза!—не вытерпѣлъ кто-то изъ слушателей.

Призатихли всѣ и переглядываться начали, самъ кафеджи пріостановился рассказывать, глазами об·велъ публику.

— Поговаривать начинаютъ,—замѣтилъ онъ про себя, и продолжалъ рассказъ, помѣшивая въ котелкѣ съ кофейною гущею.—Ты говоришь, утромъ... Нѣтъ, вошли когда, — Молла уже похолодѣлъ совсѣмъ и кровь вся у него выбѣжала, коверъ хотъ выжми, лицо бѣлое какъ изъ мѣлу... Кто думаетъ, боролся, кто — будто соннаго зарѣзала; да гдѣ бороться, коли-бъ не соннаго, такъ все бы голосъ подалъ, на помощь позвалъ бы; недалеко вѣдь,—услыхали бы...

— Мустафа говорилъ вѣдь, что ночью храпъ странный слышали; въ самую полночь.

— Да теперь многіе говорятъ, будто вздоръ. Дрыхли всѣ, небось, съ вечера нализались... Слышали!

— Вѣдь эдакая дѣвочка смирная! — вздохнулъ Савва—портной.

— Смирная... Съ виду смирна, а вся въ мать, только волосъ бѣлый, а чисто въ мать характеромъ.

— Помните, какъ вчера она еще на порогѣ стояла? какая красивая, нарядная! мать ей еще въ косу бусы вилетала... Кто бы могъ подумать!..

— Я бы эту самую мать притянулъ къ допро·су... Съ ея вѣдома дѣло было, съ ея вѣдома, какъ Богъ святъ!

— А ты Бога свята къ такимъ рѣчамъ не примѣшивай!

Изъ толпы выдвинулся парень лѣтъ двадцати-пяти, въ бѣлой длинной рубахѣ, въ черной жилеткѣ, безрукавкѣ, широкимъ кожанымъ поясомъ подпоясанный, а за поясомъ рукоять ножа торчала. Это онъ-то и сказалъ, что не всегда слѣдуетъ Бога свята поминать, не ко всякому дѣлу.

— Ты что за человѣкъ?

— Сосѣдній. Тебѣ что за дѣло!? Твоихъ рѣчей послушаешь, такъ и впрямь подумать можно, что ты за зарѣзаннаго звѣря стоишь, а не за ту, что собою пожертвовала...

Всѣ отшатнулись отъ смѣльчака, многіе даже изъ кафаны бросились. Подошелъ къ парню старый Савва портной.

— Друже, — произнесъ онъ. — Уйди отсюда, не муди народъ! Кротость и покорность только и есть у насъ силы, на кротость только и надѣмся. Уйди, друже! молю тебя міромъ уйди. Каждое твое слово такое здѣшной головы будетъ стоять. У насъ и стѣны, и заборы, былинка всякая, уши и языкъ имѣютъ, — уйди!

— Уйду, когда надо будетъ, — угрюмо отвѣчалъ молодой болгаринъ. — Я не къ вамъ! Я по своему дѣлу. Эй, хозяинъ, хлѣба давай. Мы четвертый день ничего не ѣли.

— Вотъ хлѣбъ! Бери самъ, — подъ носъ себѣ проворчалъ Али-Кадвеловъ, кивнувъ головою на хлѣбный ларь и отвернулся.

— Кабы вы не на кротость, а на что другое, поострѣе, надѣялись, тогда бы васъ не душили, какъ овецъ, сами бы могли за горло схватить кого слѣдуетъ, — говорилъ гайдукъ, накладывая въ мѣшокъ хлѣба. -- Ну, прощайте, кроткіе, прощайте, бараны! Когда рѣзать васъ будутъ, орите громче, чтобы намъ въ горы слышно было, мы позабавимся... Прощайте...

Кончилъ онъ, взвалилъ мѣшокъ на спину и пошелъ. И не гнался за нимъ никто, сторонились даже.

Черный заптій бѣжалъ ему какъ разъ навстрѣчу; болгаринъ мѣшокъ на землю положилъ, руку за поясъ сунулъ и ждетъ; заптій тоже за пистолетъ взялся, да бокомъ бокомъ, такъ и разминулись, не спуская глазъ другъ съ друга, вреда другъ другу не сдѣлавши.

Не любятъ волки трогать тѣхъ, кто зубы умѣетъ показывать.

III.

А гайдукъ, пройдя главную улицу, свернулъ влѣво узкимъ извилистымъ переулкомъ, и остановился шагахъ въ десяти отъ небольшого дома, съ высокою черепичною крышей, усѣянной разноперыми голубями.

Дверь снаружи заперта, окна ставнями заставлены, калитка тоже на запорѣ. Стучалъ, стучалъ гость, никто не отвѣчаетъ, никто на его призывъ не откликается... Перелѣзъ черезъ стѣнку, во дворъ, высадилъ плечомъ внутреннюю дверь... что-то зашуршало въ углу... слышно, что спрятаться пытается.

— Маришка, ты что-ли?

— Я,—отозвался дѣтскій голосокъ, видимо обрадованный знакомымъ звукомъ: — я, Марко, я... я думала...

— Мать гдѣ?

— Мамы нѣтъ... мама ушла... сестра Лена бѣду сдѣлала... мама туда ушла... сестра Лена...

— Знаю; бѣги къ матери; отыщи ее, сюда зови сейчасъ, а то не сюда, лучше за старую мельницу, гдѣ дубъ расколотый; на прежнее мѣсто зови, я тамъ дожидаться буду...

— Сестра Лена...—заплакала дѣвочка.

— Иди скорѣе... ждать, скажи, — некогда.

— Не убьютъ?..

— Некому здѣсь убивать... здѣсь тѣ... еще больше нежели ваши перетрусили; въ Казанлыкъ послали, оттуда нескоро толку дождутся!..

Дѣвочка робко выглянула на улицу, и, прижимаясь къ стѣнамъ, проворно засѣменила по камнямъ своими босыми ножками, а гайдукъ посмотрѣлъ ей вслѣдъ, проводилъ за уголъ глазами, и пошелъ кустами, по тропинкѣ, ведущей къ оврагу.

— Куда?! назадъ!.. — раздался надъ его головою голосъ, какъ только онъ вышелъ изъ чаши кустовъ на открытое мѣсто, какъ разъ подъ спускомъ.

Тамъ на верху появилась красная феска заптїи и конецъ его карабина.

Марко шелъ, мелькомъ только взглянулъ на часового, не отвѣчая на окликъ.

— Стрѣлять буду... вернись!

«А стрѣлай на доброе здоровье», подумалъ гайдукъ, подумалъ — и тотчасъ-же услыхалъ унылый свистъ пули надъ головой и сухую щелкотню свинца по влажнымъ отъ утренней росы вѣтвямъ деревьевъ.

Гулко прокатился въ свѣжемъ воздухѣ ружейный выстрѣлъ; еще больше переполоху надѣлалъ онъ въ селеніи: подумали было уже, не войско-ли идетъ сюда изъ города... Даже заптїи во дворѣ зарѣзаннаго эфенди ободрились, полѣзли даже на минаретъ, смотрѣть оттуда, не видать-ли чего по казанлыкской дорогѣ...

А въ Казанлыкѣ не очень-то торопились «распоряженіемъ».

Прискакалъ гонецъ съ вѣстью о совершенномъ преступленіи около полудня; жара страшная; начальство все пораздѣвалось и въ тѣнь попряталось; ставни и жалюзи закрыты были, въ конакѣ пусто, канце-

лярія хотя и отперта, да въ ней только писцы въ кости играютъ. Каймакамъ въ баню къ себѣ пошелъ, и тамъ на мраморныхъ плитахъ, окутанный мокрыми простынями, нѣжится. Получилъ отъ старшаго заптія донесеніе и ухомъ не повелъ, часть еще послѣ того нѣжился, кофе пилъ, кальяномъ затягивался, а потомъ на женскую половину отдохнуть ушелъ, дѣла до вечера отложилъ, когда прохладнѣе станетъ и прочее начальство соберется. Не беспокоить же въ такой жаръ именитыхъ сановниковъ изъ-за малости! А малость эта такова была, что не только не встревожила слишкомъ казанлыкское начальство, а еще въ тайнѣ порадовала многихъ, и причины этой тайной радости были весьма основательны.

Покойный былъ не изъ своихъ, онъ былъ константинопольская креатура; онъ имѣлъ тамъ руку, и даже довольно сильную; его побаивались здѣсь, но относились далеко не дружелюбно.

Эфенди Изединъ ни съ кѣмъ не дѣлился изъ здѣшнихъ, здѣшніе даже пытались столкнуть его съ мѣста, доносы писали въ Стамбуль, да изъ доносовъ этихъ проку не выходило никакого. Прочно сидѣлъ на мѣстѣ молла эфенди Изединъ; не удавалось здѣшнимъ посадить другаго, изъ своихъ, на это мѣсто, а тутъ, слава Аллаху, сама судьба за нихъ постаралась!

Одно только, что, молъ, принципъ самый страдаетъ,—нельзя допустить безнаказанности подобныхъ выходокъ; иначе, съ легкой руки какой-нибудь фанатизированной дѣвчонки, и ихъ собственныя горла пострадать могутъ. Ну, да зачѣмъ-же и оставлять преступленіе безнаказаннымъ, только особенно торопиться возмездіемъ незачѣмъ... Будь это возстаніе, бунтъ, — ну, дѣло другаго рода, нетерпящее отлагательства, а то, просто, гаремный эпизодъ... обидѣлась дѣвочка, ну и...

Сочувствіе даже возбудила эта дѣвочка въ здѣшнихъ властяхъ; повѣсить-то ее слѣдуетъ, повѣсить — наименѣе удобнымъ образомъ, а все-таки и донести въ Стамбулъ слѣдуетъ, а донести въ такомъ духѣ: превышеніе власти, чрезмѣрная жестокость къ населенію, жадность къ быстрому обогащенію,—самое убійство ничто иное какъ результатъ полного отчаянія, и прочее, и проч., въ такомъ-же родѣ...

Вотъ, молъ, тебѣ, подлецу! Не умѣлъ дѣлиться съ нами! не совладали мы съ тобою при жизни, такъ хоть по смерти напакостимъ.

Въ донесеніи старшаго заптія-чауша значится, что преступница схвачена на мѣстѣ преступленія и арестована, значитъ—не уйдетъ отъ висѣлицы, а можетъ быть еще, да и навѣрное даже, красавица, такъ и позабавиться можно будетъ. Куда-же торопиться дѣломъ! Особенно въ такую жару, когда и рука не поднимается, чтобы за него браться...

Такъ, а можетъ быть и несовѣтъ такъ, а въ такомъ только родѣ, думали власти казанлыкскія, и собрались они уже поздно вечеромъ, когда солнце садилось, обсуждать дѣла; собрались въ очень веселомъ расположеніи духа.

Протянули дѣло до ночи, вечеромъ больше о покойномъ толковали, недобромъ его поминали, а не о самомъ дѣлѣ, до другаго дня отложили; да уже на другой день послали чиновника слѣдствіе произвести, и привезти сюда въ городъ преступницу, а, буде найдутся, и соучастниковъ въ преступленіи.

А тѣмъ временемъ, въ селеніи чаушъ-заптіи и его команда не знали, что дѣлать, какъ дальше поступить. Съ преступницею-то они уже устроились, заперли, связавъ предварительно, въ погребъ, и все ходили къ ней навѣдаться, все-ли въ порядкѣ. Къ гарему стражу приставили, чтобы не разбѣжались